

ТІЛНІҢ, ЛИТЕРАТУРАНЫҢ ПАША ИСТОРИЯНЫҢ
ХАКАС НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ИНСТИТУДЫ

ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

**ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ ХАКАСИИ**

Э. А. Абельтин,
А. Л. Кошелева

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРОЗА О ХАКАСИИ И КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

Тема интернациональной дружбы народов России в период ее зарождения и последующего укрепления в процессе революционной борьбы за переустройство жизни — одна из актуальных в нашей советской литературе. Красноярский край и Хакасия многонациональные регионы нашей страны. Поэтому было вполне оправданным обращение писателей к теме интернационализма в историко-революционной прозе.

Лучшие страницы романа А. Чмыхало «Половодье» посвящены раскрытию внутреннего мира героев, на которой проецируются исторические события, осуществляя сложное диалектическое взаимодействие, определяя нравственный рост и обогащая участников этих событий социальным опытом. Важно отметить в проблематике романа изображение искоренения национальных предрассудков, вырастание и формирование новой общности людей не по национальному признаку, а по классовому — в конечном итоге утверждение пролетарского интернационализма. А. Чмыхало показывает сближение в общей борьбе русских повстанцев и интернациональных бригад, участие в революционных событиях киргиза Жюнуски. Революция выдвинула новые критерии единения людей — коренные социальные интересы. В условиях многонациональной Сибири это имело огромное значение для успеха освободителей борьбы.

Выковывающийся в общих сражениях сибирских народов и международного пролетариата за идеалы свободы интернационализм противопоставляется в романе «интернационализму» хищников, империалистических грабителей, которых объединяла жажда наживы и страх перед народом. В конце произведения потерпевший крах Колчак, «знамя белого движения», пытается бежать за границу: «На вагоне Колчака развевались английский, французский, американский, чешский и японский государственные флаги.

Поезд шел по угрюмой Сибирской земле. Белый от инея, он казался привидением. Впрочем, он и был привидением,

кошмаром, уходящим из Сибири». На вагоне Колчака не было лишь русского флага.

Борьба за раскрепощение малых народов Сибири, угнетавшихся царизмом, естественно сливалась с классовой революционной борьбой. В этом смысле тема единения людей труда разных национальностей оборачивается новыми гранями в романе хакасского писателя Н. Доможакова «В далеком аале». По сути дела тема интернационализма в этом произведении является сюжетообразующим фактором. Отражая глубокую историческую правду отношений русских и хакасов в период коренной перестройки отсталого доселе и угнетенного царским самодержавием маленького народа, Н. Доможаков утверждает великую освободительную миссию русских коммунистов по отношению к хакасскому народу.

Ленинские идеи, которые принесли в далекий хакасский улус Чобат Федор Полынцев, Петр Иванович Жарков, Кузьма Егорович Губенков, были не только восприняты как свои собственные беднотой хакасского улуса, но и стали условием их духовного и социального роста.

Вот хакасы-бедняки рассматривают в газете «Соха и молот» портрет В. И. Ленина: «Старик припал к газете, разглядывая снимок. Потом улыбнулся Полынцеву. Федор не понял, чему улыбается старик. Тогда Хоортай пошлепал себя по щеке, показал на лицо Ленина, на его прищуренные глаза. — Такой наш степь понимает... Газета со снимком Ильича пошла по рукам. Гости рассматривали снимок. Апах, сидевший с краю, бережно сложил газету, протянул Федору. — Где живет Иленин? — спросил он. — В Москве, — ответил Федор. — В Кремле... Оттуда новый закон по всей земле пошел. — Москва далеко, Москва одна, — задумчиво проговорил Апах. — Иленин надо каждый улус жить. В нашем аалсовете почему нет Иленина? Совсем пустой стена в аалсовете. Надо приходиться в аалсовет, глядеть на Иленина. Его закон, его «Совет».

Ленинскому закону братства и свободы противостоит в романе националистическая идеология председателя аалсовета Пичона Почкаева и его прихвостней. Н. Доможакову удалось раскрыть классовый характер национализма. Отделение Хакасии от России было выгодно таким, как бай Хапын, кото-

рый, пользуясь темнотой и забитостью бедняков улуса, обирает их.

Однако жители Чобатского аала отвергли коварные планы Пичона и Хапына, а поверили трудовому человеку, такому же, как они, Федору Полынцеву. Идя за большевиками, хакасы-бедняки излечивались и от особой разновидности религиозного «хмеля», подобно героям произведений А. Черкасова. Шаман Аларчон в романе Н. Доможакова, будучи сам духовным эксплуататором, без колебаний стал на сторону богатеев.

В одном из своих стихотворений, обращаясь к русским коммунистам, Н. Доможаков в концентрированной форме как бы подводит итоги событий революционного прошлого:

О том, что когда-то мы были безусы,
Не будем тужить в эту ясную осень.
Не гоним мы байских овец за улысы,
Ума у лукавых шаманов не просим.
Свободный народ мы в свободной державе.
А кто нас поднял и повел за собой?
Кто землю хакасскую к нынешней славе
Привел, осчастливил судьбою большой?
Ты, русский!..

В совместной борьбе против эксплуатации вековая дружба трудящихся русских и хакасов поднималась на новую ступень, освещалась светом ленинских идей: «— Однако, так — откликнулся Хоортай и заговорил важно — Послушайте еще, какая новость. Советская власть хочет, чтобы хакас-кизи сами степью распоряжались. Для того в Минсуг звалЛ Много аксакалов-коммунаров было. Из Хуба-чара, из Шира, из Аскиза... Советовались...—Степью распоряжаться? Сами? Без русских большевиков?— раздалось из толпы... — Зачем без русских? С ними — только без наших баев, — ответил по-хакасски же Хоортай. — На совете в Минсуге об этом говорили. Советская Хакасия будет называться наш край».

Романы М. Воронцовского «На крутых берегах Енисея», «Укрой, тайга» объединяет содержание, время, о котором рассказывается, главные герои: братья Яков и Иван Чугунковы, Софья Яковлевна, дочь политического ссыльного Подомарева, ставшая женой Ивана Чугунекова, Савелий Пор-

фирьевич Вильнер, политкаторжанин, а впоследствии партизанский комиссар, партизан Тимофей Бочкарев и другие. «Это были люди, — размышляет один из героев романа, — которые иступили на путь революционной борьбы рядом с молодым Лениным, иод влиянием которого, в непосредственном общении с которым крепло их революционное сознание».

В основу обоих романов положены подлинные события. Здесь действуют реальные исторические лица: В. И. Ленин, Н. М. Мартьянов, революционер Станислав Кульчитский, глава местных народников, а затем эсер Н. А. Бедров, Борис Савинков, белые генералы Корнилов, Каппель, Верховный правитель Сибири адмирал Колчак, его министр Пепеляев и другие, с которыми так или иначе соприкасаются Главные герои диологии. Умелое сочетание исторического факта и художественного вымысла позволило автору правдиво рассказать о формировании самосознания сибиряков, создать убедительную картину победоносного социалистического обновления жизни. Каждый реальный жизненный факт диологии погружен в глубину происходящих исторических событий. Эти события неумолимо и властно подчиняют себе судьбы героев, ярко высвечивая их на социальном изломе.

Историей продиктованы и биографии двух главных героев, братьев Чугунековых — Якова и Ивана. Родились они в семье койбала Ефрема Чугупекова, женатого на местной красивой, голубоглазой мордовке. Жил Ефрем на заимке, особняком стоящей, как говорят, «на семи ветрах», на берегу Енисея. Но разными оказались пути братьев в революцию. Сложным он был у Якова. Страстно желая учиться, он сбежал в Аскиз. Взяли его там в резиденцию крупного золотопромышленника Петра Ивановича Кузнецова. «Чудил» на старости лет миллионер, как говорили в округе. Учил на свои средства одаренных молодых людей, которые, по его словам, «исследовали бы природу нашего обширного государства». В числе их были в свое время Николай Катанов, писарь из Аскизской Степной думы, художник Василий Суриков. Повезло и Якову Чугунекову. Определили его в Красноярскую гимназию, а затем, по ее окончании, приняли на должность приказчика в дом богатого минусинского купца Пашенных. Но не увлекла Якова Чугунекова карьера будущего купца. Не сразу он стал и революционером. Яков просто сочувствовал

всем, кто так или иначе проявлял себя в борьбе. Не было у него и никаких определенных политических взглядов. И на каторгу он попал из-за какого-то анархиста, снабдив его своим паспортом. А последняя уже привела его к марксистам, к таким, как Савелий Порфирьевич, Софья Яковлевна. Выполнял их задания на рудниках «Юлия» и «Улень», на Черногогорских угольных коях, он организовывал марксистские кружки среди рудничных рабочих и шахтеров. Затем снова тюрьма и каторга, побег, скитания. Революционные события, разгоревшиеся в Енисейской губернии, целиком и полностью захватили его. Он там, где труднее всего, куда направляет его партия. Он был вдохновителем и организатором крестьянского восстания, одним из руководителей Арбатского Совета, осуществляющим самые сложные и дерзкие задания подпольного Красноярского комитета большевиков. Благодаря его решительным и мужественным действиям был спасен для Советской республики ее золотой запас, в тайне переправляемый Колчаком за границу.

В сложных, порой драматических ситуациях раскрывается характер этого героя. Гибнут на его глазах лучшие друзья, товарищи по борьбе, когда разгулялась «сибирская Вандея»: зажиточные мужики села Большая Ничка живым закапывают на кладбище партизана Терентия Шаповалова, казаки генерала Шильникова расстреливают вожakov восставших крестьян Кульчитского, Ощепкова и Гапченко. Но еще боле закаленным выходил Яков Чугунков из этих испытаний. Через отношение к происходящему, к тому или иному персонажу романа мы ощущаем его характер, меру достоинства. Он внимателен, заботлив, терпелив к товарищам. Вместе с тем последовательна его непримиримость к врагам революции. В одной из последних глав второй части диалоги Софья Яковлевна пытается объяснить эту особенность характера своего деверя: «Ничего удивительного нет в том, что Яков Ефремович сильно изменился. Нет, не внешне. Сквозь обычный резко-насмешливый тон в его словах слышалось... какое-то озлобление. Да, судьба к нему была жесткой, но ведь он же сам давно и сознательно избрал себе дорогу в жизни. Дорогу, на которой никто, кроме собственной души, не ведет учета ни подвигам твоим, ни твоим потерям. Ты сам себе судья и хозяин». Эти размышления единомышленника и сподвижника по революционной борьбе в какой-то степени оправдывают и аскетизм, и категоричность, и излишнюю суровость и этого героя.

Но напрашивается вопрос, в полной ли мере удалось автору раскрыть этот характер, явно задуманный с самого начала как героический? Тем более, что путь других персонажей, например, Ивана Чугунекова, Софьи Яковлевны, прослежен М. Воронецким более последовательно. Иногда Яков надолго исчезает из поля зрения читателя. Мы узнаем вновь о нем лишь в связи с каким-либо событием.

Становится очевидным, что наиболее полное постижение этого характера возможно лишь в тех исторических ситуациях и обстоятельствах, которые формируют его и как человека, и как революционера. С большой эмоциональной и художественной силой написана сцена, где Яков Чугунеков, председатель уездной чрезвычайной комиссии, начальник штаба обороны, уже зрелый большевик, дает беспощадную отповедь бывшему народнику, а теперь эсеру Бедрову: «А вы что же думали, господа эсеры? Поиграете в сибирскую Вандею и в позе трагических неудачников сойдете со сцены? Нет, вы не так просты, как хотите себя представить в глазах истории... И каждый новый день только увеличивал число жертв вашей авантюры... О беспримерном авантюризме говорило все ваше поведение с первых дней революции... Умопомрачительное метание от царя к Родзянке, от Керенского к саботажу, от белозеленой мечты областничества к колчаковской контрразведке! Это в армии. А в тылу? Ресторанные оргии отдыхающих мстителей, карательные экспедиции Красильникова и Розанова. Наконец, абсолютное, беспрецедентное вырождение народнической идеологии... Нет, господа, за все за это пришло время платить, платить полным исчезновением с арены истории...».

Думается, что и гибель этого героя — логическое завершение всей его жизни, отданной борьбе за счастье народа. Не случайный эпизод обрывает его. Яков Чугунеков, как и его товарищи по революционной борьбе Савелий Порфирьевич и Тимофей Бочкарев, погибает в схватке с бандитами, приехав в родные места создавать колхоз. И прав брат Якова Иван Чугунеков, когда с гордостью говорит землякам на похоронах брата, что памятником Якову будет организованный здесь крепкий, как местная Февральская скала, колхоз. Яков Чугунеков задуман и выписан как лучший представитель народа.

Через весь роман-дилогию проходит судьба брата Якова — Ивана Чугунекова. Иным, но не менее сложным был и

его путь, в революцию. Будучи батраком у богатого шушенского мужика Симона Афанасьевича Ермолаева, Иван одно держал па уме: «...на свое хозяйство стать, в своем доме спать, свою землю пахать». Встреча с Софьей Подомаревой круто изменила судьбу Ивана. Она борется за него, чтобы он стал «настоящим человеком, а не просто крестьянином». Многие прояснил в запутанных размышлениях Ивана неутомимый искатель правды Дмитрий Корпев, которого очень недолго любили «богатенькие мужики». «Стало быть, не мы им, а они нам по гроб жизни обязаны», — толкует он Ивану о богачах.

Па всю жизнь осталась в памяти старшего Чугунекова встреча с Владимиром Ильичом, когда он как надежный работник Ермолаева сопровождал Ильича в поездке к знаменитым, богатым дичью Сорока Озерам. Запомнился совет этого мудрого человека — уметь постоять за свои права и достоинства. Доступным для него было разъяснение Ильича о том, что такое власть сильных мира сего, при которой одинаково невыносимо жить что рабочему, что крестьянину. Покорил Ивана тогда этот человек, и он доверительно поведал ему о своей нелегкой батрацкой судьбе. Потом, в самые трудные и тревожные дни и месяцы крестьянского восстания, у Ивана не раз возникает желание пойти и посоветоваться к этому умному и справедливому человеку, который теперь так далеко.

Долго Иван не понимал, а порой и не одобрял жизнь Якова, но где-то про себя всегда гордился его образованностью, безоглядной удалью. Буквально потрясла Ивана сцена, когда жандармы на его глазах арестовали и увезли Якова. Не мог он, честный и трудолюбивый человек, всегда тянувшийся к справедливости, не разделить трудную, но славную судьбу самых близких для себя людей. Иван становится надежным помощником руководителей крестьянского восстания, идет трудными дорогами с армией Шетинкина и Кравченко, участвует в боях и получает тяжелое ранение по Белоцарском. На последних страницах первой части дилогии раскрывается самая сущность этого героя. Происходит его окончательное нравственное и социальное самоутверждение. Тяжело ранена белобаидами жена Софья, убит брат Яков, но не сломлены воля и мужество Ивана Чугунекова: он продолжит то дело, за которое отдал жизнь его брат. «Яшка, Яков Ефремович, всем вам знако-

мый, — обращается он к землякам, — вся жизнь еще при царе по тюрьмам вшей кормил, в гражданскую на печке не отсиживался и вот теперь при наших светлых годах, когда бы только жить да жить, голову свою за нашу судьбу положил. Зазря он это сделал, что ли? Нет, думаю, не зазря. За то, чтобы у нас здесь колхоз был крепкий... и чтобы никто нам не мешал жить новой жизнью. Верно я говорю, мужики? — Верней верного, дядя Ваня... Давай объявляй колхоз... Все, как один, пойдем до конца!..»

В сюжетно-композиционной структуре романа важное место принадлежит образу В. И. Ленина. Образ совсем еще молодого революционера В. И. Ульянова — значительная творческая удача автора. Исторически и психологически достоверно рассказывается о пребывании его в Шушенском о частных поездках к Николаю Михайловичу Мартьянову, музей которого Владимир Ильич называл «чудом Сибири», о встречах и беседах молодого политического ссыльного с местными крестьянами, о конкретной помощи им, в частности, Николаю Ивановичу Попкову. «Умелая рука, направлявшая жалобы крестьян, — заключает автор, — помогла им высудить кое-что у Зацепина, от имени которых к Ульянову обращался Попков». На страницах романа перед нами предстает живой Ильич в его поступках, размышлениях, энергичной реплике и реальных оценках, проявляющий глубокий интерес к жизни местного народа, его истории.

В одной из заключительных глав первой части, имеющей определяющее композиционное значение, мы вновь встречаемся с Владимиром Ильичом Лениным в очень тревожное для Советской республики время, когда необходимо было в труднейших условиях гражданской войны, голода, разрухи отстоять завоевания Октября. Товарища 'Савву, партизанского комиссара, поразила удивительная осведомленность Ленина о тех событиях, которые происходили у них, в далекой Сибири. «Он увидел, что Ленин знал о положении Степно-Баджейской республики во много раз больше, чем они, минусинские партизаны, сражающиеся почти рядом с баджейцами». Всего несколько фраз было твердо сказано Владимиром Ильичом о том, что «была Сибирь, есть и будет нашенской», о том, что «резервы огромны, они таятся в народной толще», которую надо «всколыхнуть и поднять против Колчака». Но они стали для партизанского вожака руководством к действию, вселили уверенность в победу. Деталь портрета, походка, движение, жест, речевой штрих

позволили М. Воронцову воссоздать «удивительно свое, присущее только Ильичу».

В дилогии автор поднял обширный эпический материал. Произведение это многоплановое, с разветвленным сюжетом. Читатель постигает характер героев не только в их поступках, сиюминутных ситуациях, но и проникает в их прошлое, в самые истоки социальных судеб. Именно так мы знакомимся с большей частью героев дилогии, стоящих по обе стороны баррикады. Интересным в этом плане представляется нелегкий, сложный путь полковника Черкашина и Светланы Карамышевой из стана контрреволюции в лагерь ее защитников.

Психологическая глубина и историческая достоверность образа достигаются также яркой портретной характеристикой, индивидуализацией речи героев, косвенной или авторской характеристикой. Порою действенными являются пейзаж, выразительная деталь. Так познаются внутренняя красота и богатство содержания таких героев дилогии, как Яков Чугунков, Савелий Порфирьевич, Шетинкин, Кравченко, Сергей Лазо, Петр Поликарпович Петров, партизан Гаврила Корнев.

Интересно выписаны образы врагов народа и революции. Они также удались М. Воронцову. Реальное историческое лицо — адмирал Колчак. Писатель убедительно и последовательно развенчивает эту вполне заурядную личность, обладавшую весьма импозантной наружностью. «Любил себя немного больше, чем того стоил. Так рождаются актеры...», — заключает генерал Болдырев, который хорошо знал Колчака. Кажущаяся незаурядность этого человека окончательно перечеркивается его жестокостью, граничащей с ханжеством и лицемерием, слепой погоней за неограниченной властью, а в итоге — малодушием и полной неспособностью принять самостоятельное верное решение.

Психология собственника определяет, диктует, все поступки Логина Сельдимешева. Это был самый богатый иноходец в Ефремовке. Он владел большой мельницей на одной из подтаежных речек и больше всего боялся как бы ее не передали обществу. Все в Логине искажено его хищнической природой, а это ведет к ненависти, преступлению, которые он совершает, находясь в бандитском стане. Даже заслуженную кару не может он понести достойно.

Трагический пафос времени, переданный в милогии, усиливается утверждением обреченности врагов революции, таких как Логин Сельдимешев, Стенка Зацепин, его отец, белогардейские генералы и Колчак.

Таким образом, каждый персонаж диллогии по своему, собственной судьбой подводит читателя к мысли о неизбежности гибели старого и неодолимости победы нового. Очень часто в эпических произведениях личность — как бы ни была она внутренне активна — растворяется в мощных исторических водоворотах, будь то революция или коллективизация деревни. Трудно сращиваются в них история и частная судьба, документ и вымысел. М. Воронцову в основном удалось найти внутреннюю логику связи эпического хода жизни и реальных жизненных судеб людей. Может быть, лишь в меньшей степени в этом отношении повезло такому герою, как полковник Черкашин, переход которого на сторону революционного народа психологически слабо мотивирован и поэтому кажется в некоторой степени искусственным.

Романы М. Воронцова динамичные и в то же время емкие, просторные. Есть в них место и древней легенде о гордом и мужественном богатыре Джанае, и красочному шаманскому обряду на подворье Ефрема Чугунекова, и характерной примете быта приенисейского села или улуса. Органически вписаны в повествование и лирические обращения автора к Койбальской степи и Енисею.

Так реализуется принцип художественной организации историко-революционной диллогии: бытование идеи в самых разнообразных проявлениях жизни. Автор всем содержанием утверждает мысль, что жизнь не стоит на месте, тем более жизнь народная; в ее подвижности, способности к развитию, выдвиганию из гущи народной ярких, сильных личностей — залог жизнестойкости народа. Именно об этом говорит автор в лирическом отступлении в эпилоге первой части диллогии: «Какие изменения претерпела Ефремовка всего за один век! Сначала место случайной стоянки койбальского кочевья. Потом — небольшой улус осевших на земле полукочевников. А несколько позже — большая деревня со смешанным населением столыпинского времени: мордва, поляки, хохлы, пришельцы с берегов Волги и Средней Оки, вперемешку с выходцами койбальских, сагайских, качинских племен «страны черноголовых» — хакасов. В се-

релине 30-х годов это было уже огромное колхозное селение».

Произведения Н. Доможакова, Л. Чмыхало, М. Воронцовского на историко-революционную тему решают важнейшие нравственные проблемы, на лучших страницах рассмотренных книг показана глубокая психологическая перестройка людей, окрыленных великими гуманистическими идеалами социализма. Писатели исследуют процесс становления и развития нравственной и социальной специфики советского человека в тесном взаимодействии правды ленинских мыслей и дел с народной правдой. Этот немеркнущий опыт нацелен на современность, «дни, потрясшие весь мир», бросают ответ на наши сегодняшние свершения.

Мы с полным правом можем говорить о большом вкладе этих писателей в дело воспитания молодежи на революционных традициях произведениями о борьбе за Советскую власть в Сибири. Накопленный опыт позволит с большим мастерством, с более глубоким проникновением в психологию героев того великого времени создавать произведения об эпохе, когда рождалось наше настоящее и будущее.